

Как драгоценна чистая вода! –
Звенит, лучится, в ней играет солнце,
Играет рыба: видно иногда,
Как тень мелькнет по золотому донцу.

А воздух! Безупречной чистоты,
Он – благ для зренья, враг для расстоянья:
И горные заморские хребты
Приблизились, граненые в сиянье.

Небесной чаши синие края
Как зачерпнуть склоняются к Байкалу,
И каплей среди прочих жизнь моя,
В течение попав, затрепетала.

1978 – 1985

КНИЖНЫЕ ОСТРОВА

Есть в каждом море острова,
И в книжном – есть; вот лунный Бунин;
Любой строкой его люблюсь,
Ценя граненые слова.

Вот гениальный Пастернак.
Он, словно сад, в котором мрак.
Но главное не мрак, однако,
А голос соловья из мрака.

А вот и наш Рубцов. Он – тих,
Но тих от глубины и силы,
И, может быть, люблю Россию
Я чище сквозь рубцовский стих;

И, может быть, сама Россия
Не только люди и страна,
А эти, вот, душе родные
Во книжном море острова.

2007

ПОДРАЖАНИЕ ЯПОНСКОМУ

Мелькнул на крыльях мотылька
Узор, достойный жить века.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Над белым полем в небе зимнем
Широкий полог белых туч,
И солнца, скрытого за ними,
Как молоко, разлился луч.

Какая белая погода!
Безмолвно ворон пролетит –
И под чертой его полета
Еще белей окрестный вид.

***

Уже я многих пережил.
Да только этому я рад ли?
Я ничего не совершил
И совершу теперь навряд ли.

Неужто зря я цвел и зрел
В краю багульников и сосен?
Что я отвечу, если спросят
Те, кто меня любовью грел?

Простите, мама и отец,
Что я наследство вашей стати
Как разгулявшийся юнец
Так безалаберно растратил.

А впрочем, где же и гульба
В существовании убогом?
Но, может быть, моя судьба
Пойдет кому-нибудь уроком.

1980

***

Оранжевый теленок
На лугу зеленом,
Где не жестоко, хотя и жестко
Кузнечики звучат;
И над травой низкорослой
Цветы и бабочки парят.

Я счастлив счастьем мимолетным,
Что легкий ветер холодит мой лоб,
Что обменялся взглядом беззаботным
Со мной оранжевый телок.

1967

***

В который раз гляжу бессонно
Во тьму, хотя бессилен глаз,
Но я, склонясь к окну вагона,
Гляжу во тьму в который раз.

А за окном чуть различимы
Плывут клубы неясных масс,
Как будто мир из тьмы и дыма
Творится заново сейчас.

А я в себе найду ли силы,
В который раз лишась всего,
Что было дорого и мило,
Подняться вновь из ничего?

1976

***

Какая роскошь – август по-давшински!
Еще не тронуты берез колокола,
И клюква бледная на моховой подушке
Красавицею спящей прилегла.

Но началось уже сражение сенокоса.
Низинная тайга до самых гор
Заголубела спелым дикоросом
Безбольно, щедро, словно мне в укор.

«Живи – живи» – журчит Давшинка-речка.
Зачем – зачем? – хотел бы я спросить.
Но не спрошу, изображаю беспечность,
Чтобы давшинский август не мутить,

Чтоб ветер пить, настоящий на кедрах,
Впивать закатов праздничную ярь,
Покуда август лишь слегка накренен,
Лишь чуть переливается в сентябрь.

1984

***

Если вам случится ехать
Баргузинским желтым трактором,
Если летняя погода
будет золотой,
Если также будет золот,
а не желчен ваш характер,
То одарит вас дорога
незабвенной красотой.

Вдоль дороги бор сосновый –
что зеленые колонны;
Пролегла дорога строго
на восток, пряма, чиста;
А в конце ее синее,
обнимаясь с небосклоном,
Сам Байкал как совершенство,
как буддийская мечта.

Ни волнения. Нирвана.
Синева невозмутима.
Только в зелени окрестной
величавый тихий шум;
И дорога золотая
вас несет неотвратимо
К синеве, с которой слиться
изумленный жаждет ум.

С замираньем ближе, ближе –
к пониманию чего-то
Наиглавного, быть может.
Для чего и слова нет.
Но вильнет дорога в горы
и навек за поворотом
Остается это что-то без названия
звенеть...

Ходит смерть не за горами –
носим сами за плечами,
А когда она сорвется
и повеет у лица,
Баргузинский тракт припомни,
понимая без печали,
Что теперь твоя дорога
распрямилась до конца.

1983

СНОВИДЕНИЕ

Еще малолеткой я видел во сне
Такое, что помню как праздник:
По синему небу на белом коне
Летел удивительный всадник.

Над смуглым восточным точеным лицом
Сияла чалма белизною,
И вот он уже перед нашим крыльцом,
И вот говорит он со мною.
«Спешу – говорит – но чуток погожу.
Для всех неизвестность мученье,
А я тебе книгу Судьбы покажу:
Читай о своем назначеньи».

Читаю с поспешностью лист за листом,
Читаю, а памяти – нету.
И всадник с бесстрастным прекрасным лицом
Умчался по синему небу.

И вот – мне за сорок. Не срок для борьбы.
На что же надеюсь как будто?
Не помня ни слова из книги Судьбы,
Я помню, что золотом – буквы.

1982

В ДОРОГУ

Снова снятся дали сиреневые,
Бесприютный вокзальный шум,
И письмо в родную деревню
Я не скоро теперь напишу.

Неизвестные, темные, строгие
Распахнулись чужие края,
И летит впереди над дорогой
Голубая мечта моя.

Голубая летит, обманчивая.
Эх, поймать бы ее, поймать.
Но полет ее не оканчивается
И дороге конца не видать.

Ехать мне без обратного адреса,
Успокаиваясь на том,
Что, как в сказках старого Андерсена,
Жизнь бывает с хорошим концом.

Так ли? Так? Это вера древняя.
Позади – никакого следа.
Впереди – только дали сиреневые,
Впереди голубая мечта.

1960

***

Нам надо быть не только потому,
Что наши мамы ожидают писем,
Что от детей, резвящихся в дому,
Мы горячо и радостно зависим.

Нам надо быть еще и потому,
Что как ни величаво мирозданье,
Мы – пусть как гвозди! – мы нужны ему,
Необходимы для существования.

Настанет срок, мы, жизнью истончась,
Как в острие сойдем, но не исчезнем:
Сработавшие в общем деле честном
Мы длимся как космическая связь.

1980

***

Нынче время, что все на колесах.
И тревожно увидеть в пути
Пешехода – котомка да посох –
Он аварии символ почти!

Странно, дивно – котомка да посох.
Вроде странника этот старик.
Легковые форсят без вопросов,
Иногда тормознет грузовик.

Одежонка – на вид парусина –
Прополоскана синим дождем.
За какую нуждой по России
Он подался, покинув свой дом?

Мчатся юные, влитые в джинсы;
Торжествуется чей-то успех,
А старик на обочине жизни,
Но без зависти смотрит на всех.

И глаза его – голубоваты,
Кожа, где не загар – сголуба,
Голубой сединою объята,
Как сияньем, его голова. –

Это небо его растворяет,
Это даль зазывает его.
Что-то каждый из нас потеряет,
Если рядом не станет его;

Кто-то примет котомку и посох
И пойдет за ушедшим вослед,
Оставляя живущим вопросы,
На себя принимая ответ.